

Б. МАГАЛОНИ, Р. КРИЧЕЛИ
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК
И ОДНОПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА¹

Magaloni B., Kricheli R.
Political Order and One-Party Rule / Annual review of political
science. – Palo Alto, 2010. – Vol. 13. – P. 123–143

Введение

К концу XX в. сторонники демократии были преисполнены оптимизма. В период третьей волны демократизации [Huntington, 1991] мир стал свидетелем крушения 85 авторитарных режимов, число стран, управляемых выборными лицами и органами, стало больше, чем когда-либо в человеческой истории [Geddes, 1999]. Казалось, перспективы демократии хороши как никогда. Однако распространение демократии сопровождалось построением однопартийных автократий², которые продолжали появляться даже после того, как третья волна демократизации сошла в конце столетия на нет. [...]

После завершения третьей волны демократизации мировой политической порядок оказался по преимуществу автократиче-

---

¹ Текст печатается с согласия авторов.

² Авторы делят однопартийные режимы на два подтипа: режимы с доминирующей партией и режимы с единственной партией. Режимы с единственной партией в отличие от режимов с доминирующей партией запрещают оппозиции участвовать в выборах.

ским. Распространение демократии прекратилось уже к середине 90-х годов, тогда как экспансия однопартийных режимов продолжилась и на протяжении первого десятилетия XXI в. [...]

Почему одни однопартийные режимы более стабильны, чем другие? Почему их становится все больше, а сами они – все более изощренными? [...]

Мы провели оценку всех политических транзитов, произошедших с 1950 по 2006 г. Используя критерии Маркова¹, мы пришли к выводу, что, во-первых, часто однопартийные диктатуры возникали на обломках диктатур другого типа. Во-вторых, транзиты от одного типа диктатуры к другому – это наиболее частый тип политического транзита, составляющий 43% от общего числа трансформаций политических режимов с 1950 по 2006 г. В-третьих, [...] вопреки распространенному мнению, переход к демократии – наименее вероятный вариант развития общества после крушения однопартийных режимов. [...]

Происхождение партий

Тот факт, что система с единственной партией увеличивает шансы диктатора на выживание, вовсе не означает, что сами диктаторы стремятся создавать такие партии. Из него не следует также, что партии будут появляться только потому, что они выполняют данную функцию. Выражаясь словами Элстера [Elster, 1982], функционалистские теории помогают выявить функции, выполняемые партиями в системах с единственной партией, но не объясняют причины их появления.

Функционалистские теории однопартийных режимов оставляют много вопросов. Неясно, насколько автократы вообще осведомлены о способностях правящих партий выполнять мобилизационную и переговорную функции и учитываются ли эти функции при принятии ими решений о формировании правящих партий. Даже если диктаторы хорошо осведомлены о таких функциях, они могут создавать другие институты для их выполнения. Например,

---

¹ Имеется в виду русский математик А.А. Марков, положивший в 1900-х годах начало изучению последовательностей зависимых испытаний и связанных с ними сумм случайных величин. – *Прим. ред.*

Хабер с соавторами [Haber, Mauger, Razo, 2003] полагают, что диктатор может решать проблемы, связанные с верой в выполнение обязательств, используя социальные сети и брачные связи между классом собственников и правящей элитой, довольно типичные для персоналистских режимов. Почему диктаторы отдают предпочтение созданию партий, а не стратегии выстраивания персональных связей, описанной Хабером и его коллегами, литература по однопартийным режимам объясняет не в полной мере. Более того, поддержание плотной партийной структуры обременяет автократа высокими издержками [Belova, Lazarev, 2007], которые могут обесценить выгоды от создания партий. Необходимо лучше понять условия, при которых создание и содержание партий являются для диктаторов более доступным и эффективным средством по сравнению со всеми другими стратегиями, включая управление через персональные или родственные связи.

Исследование условий, способствующих формированию однопартийных режимов, возможно, позволит также решить актуальную для современного анализа однопартийных режимов проблему эндогенности. Из эмпирической констатации связи между возникновением однопартийных режимов и повышением шансов автократий на выживание вовсе не следует, что существование партий усиливает стабильность режимов. Если однопартийные режимы чаще появляются в стабильных автократиях, то вполне может быть, что связь между их установлением и повышением шансов диктатора на выживание объясняется по большей части самим первоначальным выбором.

Если так, то когда установление однопартийных режимов более вероятно? После крушения демократии или после падения другого типа автократии? Чтобы вникнуть в суть вопроса, была создана матрица, оценивающая вероятность тех или иных транзитов для 169 стран в период с 1950 по 2006 г. (см. табл. 1). Критериями для оценки выступили, во-первых, степень вероятности перехода от одного типа режима к другому за определенный отрезок времени, а во-вторых, понимание такой вероятности как обуславливающей в течение 50 лет марковский процесс¹ перехода от одно-

---

¹ Марковский процесс – случайный процесс, эволюция которого после любого заданного временного параметра не зависит от предшествовавшей эволюции, при условии, что значение процесса в этот момент было зафиксировано

го режима к другому. Элементы матрицы представляют собой процентные доли режимов одного типа (строки), которые на протяжении половины столетия трансформировались в режимы другого типа (столбцы).

Таблица 1

**Матрица оценки транзитов политических режимов,
1950–2006 гг.**

Тип режима	Транзиты						Все транзиты	Все стабильные режимы	Общее число
	к анархии	к монархии	к военной диктатуре	к однопартийному режиму	к режиму с доминирующей партией	к демократии			
Анархия	*	3,9% (2)	23,5% (12)	3,9% (2)	33,3% (17)	35,3% (18)	23,18% (51)	76,87% (169)	100% (220)
Монархия	0,0 (0)	*	63,6% (7)	9,1% (1)	27,3% (3)	0,0% (0)	1,5% (11)	98,5% (723)	100% (734)
Военная диктатура	30,4% (28)	2,2% (2)	*	7,6% (7)	27,2% (25)	32,6% (30)	7,31% (92)	92,69% (1165)	100% (1257)
Однопартийный режим	8,8% (5)	0,0 (0)	38,6% (22)	*	33,3% (19)	19,3% (11)	4,14% (57)	95,86% (1321)	100% (1378)
Режим с доминирующей партией	17,5% (11)	0,0 (0)	23,8% (15)	30,2% (19)	*	28,6% (18)	5,04% (63)	94,96 (1188)	100% (1251)
Демократия	12,1% (7)	0,0 (0)	67,2% (39)	1,7% (1)	19% (11)	*	1,9% (58)	98,1% (2991)	100% (3049)

Число наблюдений для каждой категории указано под процентными долями. Таблица 2 содержит те же цифры, но касается только перехода к однопартийному режиму, уточняя, какую долю в общем числе случаев занимал переход от каждого определенного типа режима. Обе таблицы учитывают тот факт, что один тип ре-

(«будущее» процесса не зависит от «прошлого» при известном «настоящем»). Так называемое «марковское свойство», определяющее «марковский процесс», названо в честь сформулировавшего его А. Маркова – см. примечание выше. – *Прим. ред.*

жима может трансформироваться в другой, затем в третий, а в конце концов, и в четвертый тип режима.

Таблицы 1 и 2 показывают, что однопартийные системы не возникают из какого-то одного типа режима. Напротив, они предполагают четыре наиболее распространенных пути к их установлению. Мы предполагаем, что каждый из этих путей приводит к различным комбинациям «нисходящих» и «восходящих» факторов и зависит от того, как эти факторы взаимодействуют с расстановкой сил в мире и с изменением международной ситуации.

Таблица 2

Транзиты к однопартийному режиму

Транзиты к однопартийному режиму			
Тип режима	К режиму с единственной партией	К режиму с доминирующей партией	К однопартийному режиму (режиму с единственной партией или режиму с доминирующей партией)
Анархия	6,67% (2)	22,67% (17)	28,36% (19)
Монархия	3,33% (1)	4% (3)	5,97% (4)
Военная диктатура	23,33% (7)	33,33% (25)	47,76% (32)
Режим с единственной партией	*	23,33% (19)	*
Режим с доминирующей партией	63,33% (19)	*	*
Демократия	3,33% (1)	14,66% (11)	17,91% (12)
Общее число	100% (30)	100% (75)	100% (67)

Первый путь – переход к однопартийности от милитаристского режима: 33,33% режимов с доминирующей партией и 23,33% режимов с единственной партией, основанных с 1950 по 2006 г., родились из военных диктатур. Этот способ появления однопартийных диктатур в большинстве случаев инициируется сверху. Данная логика согласуется с гипотезой Барбары Геддес [Geddes, 2008] о том, что правители-милитаристы часто создают партии для мобилизации масс, с тем чтобы компенсировать угрозу своим позициям со стороны других военных. Тот факт, что однопартийные режимы часто появляются в результате стратегического решения диктаторов, также согласуется с гипотезой Смита [Smith, 2005] и Пшеворского – Ганди [Przeworski, Gandhi, 2006], согласно которой автократы прибегают к созданию партий, когда им необходимо

противостоять сильной оппозиции. Переход от милитаристской (или, шире, персоналистской) диктатуры к партийному режиму понимается как путь уступок оппозиции с целью минимизировать угрозы для правителя.

Второй путь – переход к однопартийности от анархии: 22,67% режимов с доминирующей партией и 6,67% однопартийных режимов, основанных с 1950 по 2006 г., возникли после периода анархии или гражданской войны. Хантингтон [Huntington, 1968] первым указал на этот путь создания однопартийных режимов, считая их продуктом социальных революций или движений за независимость: «Чем интенсивнее и продолжительнее борьба и чем сильнее ее идеологическая составляющая, тем прочнее политическая стабильность однопартийной системы» [Huntington, 1968, p. 425]. Это «восходящий» путь к однопартийному режиму.

Почему анархия приводит к созданию именно однопартийного, а не другого типа режима? Первая возможность, описанная в литературе о гражданских войнах, заключается в том, что анархия трансформируется в однопартийную диктатуру, когда определенная доминирующая сила способна ликвидировать оппозицию военной силой или когда население страны группируется по этническому признаку [Bates, 2008 a; Bates, 2008 b]. Если, например, некое этническое меньшинство имеет преимущественный доступ к военным или экономическим ресурсам для финансирования насилия, оно сможет править и доминировать с помощью страха и террора [Collier et al., 2007]. В этих случаях анархия будет ликвидирована скорее военной, нежели партийной диктатурой. Напротив, демократия может установиться тогда, когда будет наблюдаться определенный военный баланс [Wantchekon, 2004; Przeworski, 2009].

Другая возможность – это когда однопартийная диктатура вырастает из анархии в результате пакта между военачальниками, понимающими, что лучше договориться о разделе власти, чем продолжать воевать. Магалони [Magaloni, 2006] считает, что именно так возник мексиканский однопартийный режим.

Третий путь к однопартийному режиму – переход от демократии: 17,91% однопартийных режимов были основаны после падения демократии. Режимы президента Уго Чавеса в Венесуэле и президента Владимира Путина в России – два наиболее известных тому примера. И хотя демократии чаще гибнут от рук военных (67,2% всех случаев), они также нередко становятся жертвой до-

минантно-партийных автократий (19%). Тенденция демократий терпеть поражение не столько от однопартийных или милитаристских режимов, сколько от доминантно-партийных автократий – феномен, свойственный в основном периоду, наступившему после «холодной войны». Между 1950 и 1989 г. произошло 58 крушений демократических режимов, 67% из которых трансформировались в военные диктатуры. По окончании «холодной войны» были демонтированы только 14 демократических режимов, но абсолютное большинство из них стали доминантно-партийными диктатурами. Интересно, что в тот же период в некоторых посткоммунистических режимах авторитарные лидеры сумели приспособиться к демократическим процедурам и вернуться к власти, пользуясь при создании коалиций в свою поддержку доступом к государственным ресурсам [Grzymala-Busse, 2002, 2007].

Четвертый путь к однопартийному режиму – переход от другого типа однопартийного правления, т.е. от доминантно-партийного режима к режиму с единственной партией или наоборот. Диктаторы посредством процессов либерализации или делиберализации модифицируют существующие правила политической конкуренции, оставаясь при этом у власти. Переходы от режима с доминирующей партией к режимам с единственной партией были частым явлением в ранний период деколонизации во многих африканских странах. Как правило, они происходили после того, как независимые лидеры сначала одерживали ошеломляющие победы на первых независимых многопартийных выборах, а затем запрещали оппозицию. Большинство таких переходов к однопартийным диктатурам аналогичны «восходящему» пути создания партий, описанному Хантингтоном [Huntington, 1968].

С другой стороны, переходы от однопартийных диктатур к режимам с доминирующей партией являлись результатом многопартийного соревнования и чаще всего имели место в 1990-е в Африке и бывших советских республиках. Такие партии, как «Чама Ча Мипиндузи» в Танзании, Демократическая партия Габона, Кенийский национальный союз и Камерунское народное демократическое движение (это лишь немногие примеры), правили многие годы, объявляя оппозицию вне закона, и разрешили многопартийные выборы только после 1990 г.

В дополнение к четырем путям перехода к однопартийному режиму таблицы 1 и 2 дают пищу для размышлений относительно

коллапса однопартийных режимов. В противовес общему мнению, однопартийные режимы редко демократизируются: только 24,7% трансформаций однопартийного режима ведут к демократии, большинство таких режимов становятся жертвами военных переворотов или, допуская расширение масштабов политического соревнования, превращаются в режимы в доминирующей партии. 38,6% трансформаций режимов с единственной партией ведут к установлению военных диктатур, 33,3% – режимов с доминирующей партией и только 19,3% – демократий. Более того, режимы с доминирующей партией более склонны к трансформации в однопартийные режимы, нежели в демократии. 30,2% таких режимов превращались в режимы с единственной партией и только 28,6% – в демократические. На самом деле, по сравнению с военными диктатурами и анархией, однопартийные режимы гораздо менее склонны трансформироваться после своего крушения в демократии. [...]

Переходы от одного типа авторитаризма к другому являются наиболее распространенной формой режимных изменений на протяжении последних пяти десятилетий: 43% общего числа транзитов в 1950–2006 гг. были переходами от диктатуры к диктатуре, 27 – от демократии к диктатуре и лишь 31% – от диктатуры к демократии. Только потому, что мы концентрируем внимание на режимных переходах от автократии к демократии и наоборот, не создана теория, объясняющая, почему наиболее распространенной практикой является смена одних диктаторов другими и почему в определенных условиях (хотя и не во всех) переходы к другому типу диктатуры более вероятны, чем переходы к демократии. [...]

Заключение

В литературе об однопартийных режимах выделяются два механизма, посредством которых правящие партии могут повышать шансы автократа на выживание: они или мобилизуют массы, или способствуют налаживанию переговорного процесса между элитами. Однако остаются нерешенными многие парадоксы, касающиеся связи между существованием правящей партии и стабильностью авторитарного режима. Для полного понимания сути однопартийных режимов необходима всеобъемлющая теория, опи-

сывающая условия, которые способствуют возникновению и падению однопартийных режимов.

Такая всеобъемлющая теория должна будет ответить на четыре группы вопросов. Первая включает вопросы, касающиеся взаимоотношений между массовой мобилизацией и внутриэлитными сделками. Мы должны понять, как автократы решают дилемму выбора между апелляцией к оружию и апелляцией к избирателю и как они распределяют ресурсы между элитами и массами, чтобы максимизировать собственные шансы на выживание.

Вторая группа вопросов относится к природе любых режимов в целом и однопартийного режима в частности. Переходы от одного типа авторитарного режима к другому заслуживают большего внимания исследователей. Более того, выяснение условий, ускоряющих создание или падение однопартийных режимов, поможет лучше понять, почему однопартийные режимы возникают и почему они более стабильны, чем другие формы авторитаризма.

Третья группа вопросов касается взаимных отношений между демократией и однопартийными и другими партийными режимами. Выборы в условиях авторитаризма способствуют демократизации или, наоборот, стабильности авторитарного режима? Почему режимы с доминирующей партией легче трансформируются в демократии, чем однопартийные режимы?

Четвертая (и последняя) группа вопросов относится к влиянию, которое оказывают на процесс авторитарного принятия политических решений и на трансформацию режима внешнеполитические и геополитические факторы. Необходимо более глубокое понимание того, как глобальные факторы влияют на принятие политических решений в однопартийных автократиях и на стабильность этих режимов, равно как и того, как они взаимодействуют с факторами внутренней жизни.

Список литературы

- Bates R.H.* State failure // Annual review of political science. – Palo Alto, 2008 a. – Vol. 11. – P. 1–12
- Bates R.H.* When things fell apart: State failure in Late Century Africa. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2008 b. – 216 p.

- Belova E, Lazarev V.* Why parties and how much? The Soviet state and the party finance // *Public choice*. – Cambridge, 2007. – N 130 (3–4). – P. 437–456
- Elster J.* Marxism, functionalism and game-theory: the case for methodological individualism // *Theory and Society*. – Amsterdam, 1982. – N 11 (4). – P. 453–482
- Geddes B.* What do we know about democratization after twenty years? // *Annual review of political science*. – Palo Alto, 1999. – N 2. – P. 115–144
- Geddes B.* Party creation as an autocratic survival strategy: Presented at conference dictatorships: Their governance and social consequences. – Princeton, NJ: Princeton univ., 2008.
- Grzymala-Busse A.M.* Redeeming the Communist past: The regeneration of Communist parties in East-Central Europe. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2002. – 341 p.
- Grzymala-Busse A.M.* Rebuilding Leviathan: Party competition and state exploitation in Post-Communist democracies. – Cambridge: Cambridge univ. press. – 2007. – 294 p.
- Haber S.H, Maurer N., Razo A.* The Politics of property rights: Political instability, credible commitments, and economic growth in Mexico, 1876–1929. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2003. – 380 p.
- Magaloni B.* Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2006. – 300 p.
- Smith B.* Life of the party: the origins of regime breakdown and persistence under single-party rule // *World politics*. – Cambridge, 2005. – Vol. 57, N 3. – P. 421–451
- Wantchekon L.* The paradox of “warlord” democracy: a theoretical investigation // *The American Political Science Review*. – Cambridge, 2004. – N 98 (1). – P. 17–33.

Сокращенный перевод Ивановой М.В.